

ПРУССИЯ ГЛАЗАМИ ИЗВЕСТНЫХ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В 50–70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

П.И. КОРОЛЕВ

*Курский
государственный
университет*

Статья посвящена проблеме изучения восприятия российскими военными и политиками Пруссии, как государства, возглавившего объединение Германии. В ней предпринята попытка показать отношение российской правящей элиты к прусской внешней политике. Одновременно характеризуется позиция прусского истеблишмента и такого крупного деятеля германской истории как Бисмарка.

Ключевые слова: история международных отношений XIX в., российская дипломатия, политика Бисмарка, объединение Германии.

2-я половина XIX в. была временем бурных перемен в международных делах. Россия тяжело переживала унижительные условия Парижского мира после проигранной Крымской войны. Довольно напряженными были как русско-английские, так и русско-французские отношения. В связи с этим растет интерес правящих кругов России к германским делам, к большому сближению с такой крупной немецкой державой, как Пруссия. Не случаен в связи с этим интерес, который проявляет русская общественность ко всему немецкому, что находит свое отражение на страницах русской прессы, в том числе провинциальной¹.

Еще во время Крымской войны отношения России и Пруссии прошли свою проверку на прочность. Император Николай I, который и так относился с любовью ко всему германскому, лишний раз убедился в лояльности германских августейших особ во время Крымской кампании². И хотя проблема русско-прусских отношений изучалась многими отечественными историками, такими как Е.В. Тарле, А.С. Ерусалимский, Л.И. Нарочницкая, С.В. Оболенская, В.В. Чубинский и др., все же недостаточно исследованными остаются взаимовосприятие Пруссии и России, позиция русской правящей элиты и общественности в отношении германских государств в период их объединения. Попытаться проследить, как в России воспринимали образ Пруссии и германских государств, и является задачей данной статьи.

Вступая в Крымскую войну, Николай I рассчитывал найти поддержку у Австрии и Пруссии хотя бы в форме дружественного нейтралитета. Но, несмотря на то, что российский монарх оказал правителям обоих государств услуги во время революций 1848–1849 гг., должной поддержки не последовало.

Правительство Австрии заняло откровенно враждебную позицию по отношению к России. В прусской правящей элите единства не было. Король и премьер-министр Мантейфель колебались. Отношения Пруссии и России в первой половине 50-х гг. XIX в. были сложными и противоречивыми.

Как впоследствии отмечал военный министр Д.А. Милютин, русско-прусские отношения не смогли выдержать проверку Крымской войной³. Однако, это утверждение является довольно спорным, так как, с одной стороны, Австрия и Пруссия за-

¹ Королев П.И. Взгляд на русско-германские отношения во второй половине XIX века на страницах русской провинциальной печати (на примере Курской губернии) // Курский край. Курск, 2009. С. 23.

² Тарле Е.В. Крымская война: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 242.

³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. М., 1999. С. 240.

ключили оборонительный союз, направленный против России, но, с другой стороны, прусский король и его премьер-министр смогли удержать Пруссию от вступления в эту войну, к чему так активно призывала, поддерживающая Англию группа Бетмана-Гольвега⁴.

Для Бисмарка Крымская война явилась отправным пунктом для решения назревших задач прусской внешней политики. Курс Берлина был настроен не против России, но в то же время Бисмарк, как проводник интересов Пруссии, при необходимости шел на сближение с Петербургом. Если же прусские интересы вступали в противоречия с русскими, отношения могли и обостряться.

После Крымской войны наметилось сближение прусской и русской монархий, они стали еще более теплыми, что, по мнению А.А. Керсновского, было отражением существующих традиций. «Пруссакомания еще с гатчинских времен являлась неизблемой традицией наших руководящих кругов. Александр II неуклонно следовал этому отцовскому и дедовскому обычаю»⁵.

Любопытным кажется тот факт, что германские государства в 50-х гг. XIX в. стали местом дипломатических встреч для российских политических деятелей. Причин тому было несколько. Во-первых, это не привлекало внимания, так как на территории малых германских государств находилось немало широко известных курортов. Во-вторых, германские августейшие династии были, как правило, родственными династиями для Романовых. Так, в 1857 г. великий князь Константин Николаевич специально приехал в Ганновер для встречи с дипломатом Е.В. Путятиним, где они обсуждали геополитические дела⁶.

Не смотря на подчеркнутое привилегированное отношение русского императорского дома к августейшим особам германских государств, нельзя не отметить тот факт, что император Александр II под влиянием политики, проводимой его министром иностранных дел – князем А.М. Горчаковым, надеялся на союз с Францией. Вот, что писал император Александр II в конфиденциальном письме своему брату великому князю Константину Николаевичу из Петербурга 20 января 1857 г.: «На днях получил я премилое письмо Наполеона, в котором он весьма откровенно объясняет прежние свои действия и удостоверяет, что теперь, когда все, что касалось до Парижского трактата, удовлетворительно разъяснилось, он столь же будет верен союзу со мною, как был верен Англии. Я ему на это отвечал с тою же откровенностью, что радуюсь искренно его дружескому расположению, я вижу в союзе с Францией залог будущего спокойствия Европы»⁷.

Однако симпатии русского монарха были все же не на стороне французского императора. Его больше привлекала Пруссия середины XIX в., как образцовая страна в плане политического социально-экономического устройства. Во время своего заграничного путешествия 1858 г., великий князь Константин Николаевич писал 3 ноября в своем дневнике: «Мориц нас водил кругом замка по стенам. Ездили в деревню Косма, к богатому мужику Heinke. Показывал нам все свое хозяйство и дом. Удивительное богатство и зажиточность. К обеду приехал Дессауский наследный принц Фридрих со своей хорошенькой женой Антуанеттой, которая двоюродная сестра жинке. Вечер провели вместе»⁸.

Пребывание членов русского императорского дома в германских государствах, как правило, проходило без особой помпы, но было довольно длительным. География мест пребывания была весьма обширна: «Пишу тебе из Штутгарта, из дома нашей любезной Олли, у которой мы в гостях с 13-го числа вечером. Она мила, как все»

⁴ История Германии / Под ред. Б. Бонвеча, Ю. Галактионова: в 3 т. Кемерово, 2005. Т. 2. С. 127.

⁵ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1999. С. 172.

⁶ Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. М., 1994. С. 130.

⁷ Александр II – Великому князю Константину Николаевичу // Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. М., 1994. С. 17.

⁸ Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 143.

гда, и очень довольна, иметь нас вдвоем под своим кровом. Ехали мы сюда из Ганновера очень долго, потому что в Веймаре вместо 3 дней должны были остаться на целую неделю из-за Гюнтера»⁹.

Однако дружественное отношение августейших особ из России и российских политических деятелей часто не оказывало должного влияния на представителей прусского истеблишмента. Например, Бисмарк, даже еще не будучи главой внешнеполитического ведомства Пруссии, призывал не идти на поводу у других держав. Вот что он писал позднее в своих мемуарах: «Если Австрия и Россия были заняты на востоке, то в интересах их менее могущественного в то время соседа, было, думается мне, не мешать им, а скорее поощрять и укреплять обе державы в направлении их восточных домогательств, ослабляя тем самым их нажим на наши границы»¹⁰. Бисмарк понимал, что во время Крымской войны поддержка Пруссии будет для России как никогда необходима, но он считал, что оказывать ее следует, получив взамен определенные выгоды: «Оказывать даром услуги, подобные тем, какие прусская политика оказала России при заключении Адрианопольского мира в 1829 г. и при подавлении польского восстания в 1831 г., совсем уже не было никаких оснований, так как берлинский кабинет отнюдь не прибывал в неизвестности относительно далеко недружественных в отношении Пруссии махинаций»¹¹. Как видно из мемуаров Бисмарка родственные узы двух монархий и показное дружелюбие Горчакова не могли ввести князя Шенхаузена в заблуждение. Бисмарк четко и непоколебимо отстаивал интересы исключительно Пруссии. Светлейший князь при своем знакомстве с Бисмарком отмечал тонкий ум и хитрость немца¹².

Князь Горчаков видел опасность Парижского мира не только в непосредственной нейтрализации Черного моря, но и в прискорбном финансовом положении империи¹³. Крымская война была уроком для русской дипломатии, она заставила ее представителей по-новому взглянуть на такие извечные вопросы: как «кто наш союзник?» и «от кого исходит наибольшая опасность?» В отличие от своего предшественника графа Нессельроде, который одинаково прохладно относился как к Пруссии, так и к Франции, а благоволил к Австрии, князь Горчаков не имел ярко выраженных политических пристрастий, его политический курс определялся сугубо российскими внешнеполитическими интересами¹⁴. Император Александр II вполне логично считал, что без поддержки России какой-либо сильной европейской державы о пересмотре униженного Парижского договора не могло быть и речи¹⁵.

Почему же именно к Пруссии было приковано особое внимание российских военных, политических и деловых кругов в 50–70-е гг. XIX в.? Одной из причин был нарастающий вес Пруссии как равноправного и сильного игрока на политической карте Европы. Постепенно с 50-х гг. XIX в. Пруссия все увереннее начинает оттеснять Австрию от решения проблем германских государств. Поскольку во время Крымской кампании шла дипломатическая борьба, как в самой Пруссии, так и в России за благосклонное влияние официального Берлина, стоит отметить, что заинтересованность в Пруссии, как в союзнике, видели не только российские дипломаты, но и российские военные¹⁶.

⁹ Великий князь Константин Николаевич – Александру II // Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. М., 1994. С. 71.

¹⁰ Бисмарк О. Воспоминания. Мемуары: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 371.

¹¹ Там же. С. 374.

¹² Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. М., 1998. С. 116.

¹³ Чичерин Г.В. О взглядах А.М. Горчакова, как дипломата // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 102.

¹⁴ Лопатников В. Пьедестал. Время и служение канцлера Горчакова. М., 2004. С. 43.

¹⁵ Борисов Ю.В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира. М., 1951. С. 76.

¹⁶ Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. СПб., 1912. С. 27.

Во 2-й пол. 50-х – нач. 60-х гг. XIX в. Россия и Пруссия подписали ряд важных трактатов и конвенций, чем еще больше укрепили свое совместное сотрудничество в различных государственных сферах. Так, например, 25 декабря 1856 г. Россия и Пруссия заключили декларацию относительно выдачи наследств¹⁷. 2 февраля 1858 г. с Пруссией была заключена конвенция о соединении Петербургско-Варшавской железной дороги с Берлинско-Кенигсбергской¹⁸, что существенно улучшило экономические связи двух государств и положительно повлияло на сообщение между державами.

Среди основных причин заинтересованности в развитии отношений с Пруссией можно также назвать экономическо-финансовый аспект. Еще во время Крымской кампании наметилось тесное экономическое сотрудничество двух держав. Сближение стало возможно вследствие того, что Пруссия во время Крымской войны импортировала в Россию массу своих товаров¹⁹. В России известные политики подчеркивали, какими высокими темпами идет экономическое развитие Пруссии и ставили в пример ее финансовую систему²⁰.

Немаловажным фактором определенного русско-прусского сближения явилось поведение Австрии во время Крымской войны. Официальная Вена заявила о своем нейтралитете, но этот нейтралитет был резко враждебным по отношению к России. Так как с 50-х гг. XIX в. антагонизм между Пруссией и Австрией лишь усилился – Россия, естественно решила поддержать Пруссию. В конце 50-х – начале 60-х гг., у русского общества появилась возможность переосмыслить свое отношение к Пруссии и взглянуть на эту страну по-новому, так как на пост прусского посланника в Петербурге был назначен Отто фон Бисмарк. Кроме выполнения непосредственно дипломатических обязанностей, связанных прямо или косвенно с взаимоотношениями между обеими странами, Бисмарку полагалось обеспечивать юридическую и имущественную защиту прусских поданных, проживающих в России²¹.

Бисмарк оказался в России в примечательный для страны момент. Это были 1860-е годы, эпоха общественного подъема, нарастания революционной ситуации, эпоха подготовки, а затем и осуществления крестьянской реформы. В официальных сферах Петербурга его приняли с величайшей благожелательностью. Прежде всего, это касалось самого императора Александра II и его семьи. Вдовствующая императрица, жена Николая I и сестра принца-регента, Александра Федоровна относилась к Бисмарку прямо-таки с родственным участием²².

О том, что к Пруссии в тот момент русский двор был настроен более чем благосклонно, говорит тот факт, что ее посла принимали на «особых» условиях. Бисмарк был одним из немногих иностранных дипломатов, имевших привилегию обедать с царем и выкуривать в его кампании сигару. Примером «особого» теплого отношения к Пруссии со стороны августейших особ являлось и то, что царь и его родственники говорили с Бисмарком на немецком, а не на общепринятом языке дипломатии – французском. На первом же военном параде, куда Бисмарк был приглашен, Александр II не отпускал его от себя, и сам объяснял ему все происходящее на плацу²³.

Российские военные и политические деятели, так же, как и двор, приняли Бисмарка довольно хорошо. Однако он отмечал, что антигерманские настроения присутствуют в Петербурге весьма основательно: «Антинемецкие настроения молодого поколения дали знать о себе вскоре не только мне, но и другим лицам также и в области политических отношений с нами, особенно сильно с тех пор, как мой русский

¹⁷ Мартенс Ф. Сборник трактатов и конвенций. СПб., 1888. Т. 8. С. 37.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ротштейн Ф.А. Из истории Прусско-Германской империи. М., 1948. С. 145.

²⁰ Десятковский А. Прусские финансы // Вестник Европы. СПб., апрель 1871. С. 617.

²¹ Людвиг Э. Бисмарк. М., 1999. С. 142.

²² Чубинский В. В. Бисмарк: Политическая биография. М., 1988. С. 97; Палмер А. Бисмарк. М., 1997. С. 99.

²³ Чубинский В.В. Бисмарк. С. 98.

коллега князь Горчаков стал проявлять и по отношению ко мне одолевавшее его высокомерие»²⁴.

В то же время Бисмарк отмечал, что у военных, и у лиц старшего поколения было особое доброжелательное отношение (возможно еще со времен Николая I): «Третье, молодое, поколение обнаруживало обычно в обществе меньшую учтивость, подчас дурные манеры и, как правило, большую антипатию к немецким, в особенности же к прусским, элементам, нежели оба старших поколения. Когда по незнанию русского языка к этим господам обращались по-немецки, они были не прочь скрыть, что понимают язык, отвечали нелюбезно или вовсе отмалчивались и в своем отношении к штатским далеко не соблюдали того уровня учтивости, какой был принят в кругу лиц, носивших мундиры и ордена»²⁵.

Одним из откровений в российской столице для Бисмарка стали отношения императора Александра II и его германской августейшей родни. Так, во время австро-французской войны 1859 г. император Александр пожаловался Бисмарку в откровенной беседе на резкий и оскорбительный тон, в каком немецкие государи критиковали русскую политику в письмах к членам императорской фамилии: «Во всем этом обижает меня более всего то, что мои немецкие кузены посылают свои дерзости по почте, чтобы они вернее дошли до моего сведения»²⁶.

Время с окончания австро-французской войны и до начала польского восстания (с 1859 по 1863 гг.) было временем плодотворного русско-прусского сотрудничества во многих жизненно важных сферах. Для Пруссии сложилась такая ситуация, что она не могла сделать ни шага вперед, ни в своей германской, ни в своей европейской политике, не обеспечив себе дружественной поддержки со стороны России²⁷.

Накануне польского восстания 1863 г. Пруссия виделась российскому двору помощником и союзником, но не всех в России устраивало такое положение вещей: «Прусское предложение о помощи, полученное в Варшаве как раз в тот момент, когда там уверились в скорой победе, пришлось явно не ко двору. Великий князь Константин почувствовал себя оскорбленным»²⁸. Его позицию можно легко понять – он не желал, чтобы в России и Европе думали, что его правление в Польше зашло в тупик, из которого он может выбраться лишь с помощью Пруссии.

Польское восстание 1863 г. наложило свой отпечаток на внешнюю политику России. Повсюду она встречала враждебность со стороны Англии, Франции и Австрии. И это все более связывало ее с Пруссией, хотя Горчаков отдавал себе совершенно ясный отчет в ненадежности «прусской дружбы».

Действительно во время австро-французской войны 1859 г., германские государства были недовольны позицией Франции. Вот что сообщает император Александр II своему брату великому князю Константину Николаевичу в письме от 1 февраля 1859 г.: «Между тем в Германии, как кажется, крепко переполошились, и умы везде возбуждены против Франции, даже и в Пруссии, несмотря на ненависть к Австрии, так что должно опасаться, что каша заварится общая»²⁹.

В 1864 г. Пруссия, стараниями своего министра-президента Бисмарка, дипломатически загнала Данию в угол. Датская кампания, в которой кроме Пруссии и Дании, участвовала Австрия, принесла Пруссии немалые политические выгоды. В России, как видно из писем посланников в германских государствах, что составляют отчеты МИДа за 1864 г., знали о дипломатической подготовке Пруссии к предстоящей датской войне³⁰.

²⁴ Бисмарк О. Воспоминания. Мемуары: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 313.

²⁵ Бисмарк О. Воспоминания. Мемуары. С. 310.

²⁶ Там же. С. 319.

²⁷ Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 114.

²⁸ Миллотин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 1999. С. 49.

²⁹ Александр II – Великому князю Константину Николаевичу // Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. М., 1994. С. 89.

³⁰ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 53. Л. 99.

Время с 1864 по 1866 гг. было временем постоянной и интенсивной, а порой и просто изнуряющей работы прусского дипломатического корпуса. Глава прусской внешней политики Бисмарк не терял времени, дипломатически подготавливая войны с Австрией³¹. Австро-прусская война 1866 г. была оценена в России неоднозначно. С одной стороны, российские военные и дипломаты испытывали тревогу в виду нарастающей прусской (германской) мощи, с другой стороны, сильны были настроения реваншизма по отношению к Австрии и Франции в связи с неудачной для России Крымской войной. Двор, включая императора Александра II, приветствовал победу прусского (германского оружия)³².

Австрийская кампания вывела на новый уровень не только прусскую (германскую) военную машину, но и немецкую экономику. Известные российские экономисты отмечали успехи Пруссии в экономическом развитии.

Сразу по окончании австро-прусской войны, Пруссия начала подготовку к войне с Францией. Подготовка эта затронула все отрасли, работу с общественным мнением, реорганизацию финансов, частичное перевооружение армии, и конечно массивную дипломатическую подготовку. Эта часть ложилась на плечи Бисмарка, частично помогал ему в этом король Вильгельм. Еще в 1868 г. Александр II дал прусскому королю устное обещание, что в случае войны Пруссии с Францией к австрийской границе будет придвинута 100-тысячная русская армия, дабы удержать Австрию от выступления. Бисмарк и Вильгельм I обещали России поддержку в решении черноморского вопроса.

Победа Пруссии в австро-прусской войне подняла ее престиж. Много лестных слов было сказано о прусской армии, ею восторгались даже повидевшие виды российские военные: «Поражения австрийцев в кампанию 1866 г. объяснялись, преимущественно, превосходством вооружения прусской пехоты – пресловутым игольчатым ружьем, и мы видим, что, вслед за Кенигсгретским погромом, все европейские государства, – даже Турция, обыкновенно столь неподатливая на нововведения, – одно за другим спешат перевооружить свою пехоту, и истрачивают громадные суммы на возможно быстрое приобретение этого, будто бы всеспасающего средства»³³.

Однако после победы Пруссии (Северогерманского Союза) во франко-прусской войне, мнение известных российских и военных деятелей начинает кардинально меняться, так как многие видели в успехах Пруссии, и особенно в объединении Германии – открытую и явную угрозу для России. Генералы Драгомиров, Гурко и Скобелев в 70-е гг. XIX в. открыто высказывали негативное отношение по поводу доминирования в Европе германского оружия³⁴. Если перед войной 1870–1871 г. многие общественные и политические деятели в России были настроены нейтрально или испытывали прогерманские настроения, то уже в ходе самой войны их мнение претерпело существенные изменения и стали расти симпатии к французам, о чем свидетельствуют дневники и письма графа Валуева, Тютчева, Никитенко и др.

Поэт и дипломат Тютчев уже через месяц после начала войны в письме к своей дочери 7 августа 1870 г. писал: «В самом деле, если Франция – уже не действительность, если она лишь призрак, пустая газетная фраза, если этой ужасной войне суждено будет завершиться полным торжеством Пруссии, то для нас создается весьма опасное и угрожающее положение»³⁵.

Главным лейтмотивом со второй половины франко-прусской войны (после образования единой Германской империи) в России было не восхищение прусскими победами, а скорее недовольство от скрытой германской угрозы: мнение, что Россия находилась под угрозой в результате прусских побед отнюдь не было личным или

³¹ Тарле Е.В. Дипломатия Бисмарка в годы войны с Данией и Австрией (1864–1866 гг.). М., 1972. С. 41.

³² Керсновский А.А. История русской армии. М., 1999. С. 180.

³³ Анненков М. Война 1870 года. Заметки и впечатления русского офицера. СПб., 1871. С. 3.

³⁴ Керсновский А.А. История русской армии. С. 193.

³⁵ Манфред А.З. Франция после поражения 1870–1871 гг. и Россия // Вопросы истории внешней политики и международных отношений. М., 1976. С. 315.

единичным мнением поэта. Это же мнение выражали в разных формах в передовых газетных статьях, журнальных статьях, салонных разговорах и частных письмах; оно стало, так сказать, общепринятым мнением господствующих классов России.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что русско-прусские отношения в 60-70-е гг. XIX в. развивались от сближения к наметившейся конфронтации, и эта эволюция в полной мере отразилась в восприятии Пруссии и германских государств русскими политическими и военными деятелями.

PRUSSIA THROUGH EYES OF THE FAMOUS RUSSIAN MILITARY AND POLITICAL PERSONS IN 1850–1870 YEARS

P.I. KOROLEV

Kursk State University

The article is devoted to the problem of the Prussia's perception by Russian military men and politicians during the German consolidation. The attempt is undertaken to show Russian ruling elite's attitude towards Prussian foreign policy. There presented an estimation of the Prussian establishment's position and the testimonial of such a famous politician as Bismarck.

Key words: history of foreign relations in the 19th century, Russian diplomacy, Bismarck's policy, German consolidation.